

РАЗМЕЖЕВАНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ, КОНСОЛИДАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ЭКСТРАТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ

В. В. Лапкин

Лапкин Владимир Валентинович, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия.

Эл. почта: vvlh@politstudies.ru. ORCID 0000-0002-0775-2630.

Аннотация. В статье проводится анализ формирования и последующих трансформаций территориально-национальных сообществ с акцентом на внутривнутриполитические процессы, сопряженные с политизацией существующих в них и вновь возникающих социальных напряжений, размежеваний и расколов, с управлением политическими противостояниями. Особое внимание уделено государственно-политическому аспекту функционирования таких сообществ, обеспечению устойчивости и эффективности режима территориального контроля, практикам внутренней консолидации, преодолевающим изначальную полиэтничную и поликультурную разнородность таких сообществ, их потенциалу адаптивности в условиях современной турбулентной политической динамики. В качестве важного элемента обеспечения устойчивости и интегральной целостности таких сообществ проанализирована роль современных институтов политического представительства, функционально амбивалентная, ответственная за легитимацию политической нации и одновременно — политической власти, ею управляющей на основе мандата народного доверия. Отмечена решающая роль формирования представлений о сложном обществе, лежащих в основании всего современного массива социальных наук. Становление сложного общества стало решающим импульсом к появлению особой политической организации (современного государства), дополняющей, а затем и подменяющей институты социального контроля. В статье обсуждаются возможности и ограничения политико-институционального регулирования в сложносоставных обществах, а также новые вызовы, обусловленные тенденциями атомизации современной социальной среды, разгосударствления и денационализации государственности, экспансией экстратерриториальных сообществ, конфликтом иерархической и сетевой парадигм структурной организации общения. На основе анализа большой совокупности тенденций современного политического развития автор аргументирует вывод о том, что потенциал адаптационных возможностей современного государства к переменам далеко не исчерпан. Более того, его оценка дает основания говорить о том, что наиболее успешные сегодня государственные проекты способны распространить практики территориального контроля на иные, негеографические пространства человеческого общения.

Ключевые слова: социальные размежевания, разделенные общества, власть, политические противостояния, сложное общество, национально-территориальное государство, демократия, государство-нация, сообщество, экстратерриториальность.

Введение

Политический ландшафт современного мира стремительно меняется, причем как на макрополитическом уровне межгосударственных отношений и трансграничных взаимодействий, так и на уровне отдельных территориальных и экстратерриториальных сообществ. При этом исследовательское внимание концентрируется преимущественно на анализе процессов глобализации и эффективности атак «оппортунистических держав» на устои моноцентричного мирового порядка, но контуры альтернативного полицентричного будущего остаются для исследовательского сообщества по-прежнему весьма туманными, неопределенными. Иными словами, проблематика кризиса

идеалтипической модели современного государства преимущественно сводится к анализу деструктивных тенденций в сфере международно-правовых отношений и дипломатии, эффектов «делегирования суверенитета» и «внешнего управления». Между тем, не менее важное, а может быть и решающее значение для оценки движущих сил и политических последствий этого кризиса имеют процессы внутривнутриполитические, а также подвижки, происходящие в государствообразующих сообществах, становящиеся — посредством политизации возникающих новых социальных напряжений, размежеваний и расколов — значимыми факторами происходящей на наших глазах радикальной трансформации мира политики. Представляется, что недостаточное внимание к процессам, подтачивающим современное государство изнутри, оказывается одним из главных методологических упущений при попытках обрисовать траекторию дальнейшего политического развития современного мира и тех или иных составляющих его регионов.

Такое положение, подчеркнем, вполне объяснимо: «моноцентричный» мир 1990-х гг. (а отчасти и всей первой пост-биполярной четверти века) создавал иллюзию простоты и ясности универсальных норм и правил претендующего на успех политического поведения, незыблемость институционального каркаса современной политики. Появившиеся позднее симптомы коррозии «моноцентризма», универсализма и сверхдержавного лидерства дали «зеленый свет» многочисленным претендентам на политическую субъектность в глобальном пространстве, причем как облеченным в политическую форму государства (что ранее являлось обязательным «дресс-кодом» в мировой политике), так и иным, с традиционной точки зрения «несистемным» субъектам, политически представляющим разного рода негосударственные, по большей части сетевые сообщества. Это многообразие политических субъектов обуславливает турбулентный характер современной, крайне сложной для изучения и осмысления политической динамики — как на макрополитическом уровне межгосударственных отношений и трансграничных взаимодействий, так и на уровне отдельных региональных (территориально локализованных) и экстратерриториальных сообществ. Такое многообразие — есть вызов, побуждающий исследователя к поиску ответа на принципиальный вопрос о способности национально-территориального государства — узлового элемента современного (пусть и «уходящего») миропорядка — устоять под напором этих новых разнонаправленных и, при поверхностном взгляде, почти хаотических тенденций тотального характера и колоссальной мощи.

Территориально-национальное сообщество как политический проект модерна

Представление о территориальной государственности в современном понимании сформировалось в процессе работы политического воображения восходящих западноевропейских буржуазно-капиталистических страт Нового времени, пытавшихся поставить политические институты общества на службу собственным интересам. Эта работа продвигалась по двум основным направлениям: во-первых, по пути освоения на практике опыта грандиозной социальной, культурной, экономической и политической трансформации своего региона, а, во-вторых, вместе с тем — по пути интеллектуального переосмысления исторического опыта формирования и последующего распада (метаморфных рекомбинаций) разнообразных частичных (партикулярных) режимов территориально-политического контроля.

Наметим лишь пунктирно (с множественными неизбежными, в силу краткости и схематичности изложения, лакунами и упрощениями) важнейшие вехи на этом пути. Появление представлений о государстве-состоянии (Ильин, 2008) традиционно связывают с именем Никколо Макиавелли, который предложил это «зонтичное понятие» — *lo Stato* — как для республиканских, так и для монархических держав, тесно взаимодействующих друг с другом на ограниченном пространстве Северной Италии. Спустя полтора столетия в процессе упорядочения европейской политики по итогам Тридцатилетней войны представление о государстве было дополнено признанием его суверенного права на монопольный контроль собственной территории. Именно состоятельность (см., например, Ильин, 2011) в вопросах реализации этого права стала критерием государственности и основанием новой универсальной модели отношений между государствами, а принцип взаимного их признания как территориальных суверенов — конституирующим началом нового европейского, а вскоре и мирового порядка. Способность обеспечивать устойчивость и эффективность режима территориального контроля (предполагающего, в частности, правовой и идеологический суверенитет) стала условием доступа в этот новый «клуб территориальных держав», а прежние имперские универсалии начали стремительно терять привлекательность и действенную силу. Последующая эволюция политической организации западноевропейских территориальных сообществ шла по пути их решительной внутренней консолидации, преодолевающей изначальную полиэтническую и поликультурную разнородность этого по большей части территориально иммобилизованного социального субстрата (см., например, Мелешкина, 2010). Важнейшим инструментом такой консолидации стала обеспечиваемая государством автономия внутреннего рынка, а ее результатом — политическая нация. Именно успехи в формировании единого внутреннего рынка позволили ряду западноевропейских государств занять лидирующие позиции в деле нациестроительства и осуществить в рамках своих государственно-территориальных границ эффективное властное принуждение подданных — к единству языка, конфессии, культуры, норм рыночного общения...

Тем самым, изначально, судьбы не только современного государства (как политического проекта) и международной (глобальной) системы таких государств, но и мирового рынка, координирующего и интегрирующего национальные (внутренние) рынки, — оказались переплетены узами сложнейших взаимозависимостей. При этом на начальном этапе национально-государственного строительства (до Первой мировой войны) именно состояние внутреннего рынка и эффективность национальной системы накопления выступали решающими условиями успешности нацие- и государственного строительства. При этом поддержка *внутреннего* рынка требовала эффективной *внешней* торговли, обеспечивающей рынок сбыта для национальной промышленности и доступные источники высоколиквидных ресурсов развития национального сообщества. Государственно-политическими средствами решения этой задачи выступали прежде всего протекционизм и колониальная политика.

В итоге успех национально-государственного проекта на этом начальном этапе оказался в высочайшей степени зависимым от эффективности инструментария государственной внешней политики и способности обеспечить национальное развитие за счет привлекаемых внешних ресурсов (что нашло отражение в термине «империализм», характеризующем соответствующую эпоху). Злокачественность найденного решения обусловила неотвратимость катастрофических преобразо-

ваний, произошедших в три этапа в первой половине XX в.: *I Мировая война — Interbellum — II Мировая война.*

В ходе этих преобразований было не только последовательно покончено с крупнейшими мировыми колониальными империями обоих типов (и континентального — с качественно различными «европейским» и «азиатским» фронтами, и демократически-колониального, сочетающего метрополию в виде государства-нации и систему заморских зависимых территорий). Другим не менее важным результатом этих преобразований стал переход к новой структурной организации континуума территориальных государств и одновременно — к новым принципам ресурсного обеспечения процессов нациестроительства. Во-первых, на место утратившего всякую релевантность «концерта держав» с солирующей партией лидирующей на мировом рынке Великобритании пришел миропорядок, выстраиваемый на принципиально иных началах — монопольного геополитического и геоэкономического доминирования нового мирового лидера — США (поначалу — с учетом определенных ограничений биполярного мироустройства). А во-вторых, на основе такого универсализующего доминирования была выработана единая унифицированная модель структурной единицы послевоенного миропорядка, легитимного и суверенного государства-нации, настоятельно рекомендуемая прежде всего тем сообществам, которые на этот момент получили возможность воплощения своих государственных проектов в реальность.

В рамках этой модели со временем был выработан типовой набор решений в двух важнейших аспектах обеспечения стабильности и развития национально-территориального сообщества. В аспекте внешней ресурсной подпитки национального строительства и обеспечивающего этот процесс внутреннего рынка ответственность теперь переадресовывалась мировым наднациональным финансовым структурам, а новые государства, как правило, «освобождались» от необходимости суверенного решения этого вопроса, роль их внутреннего рынка как промотора государственного строительства и основного инструмента консолидации нации неуклонно сходилась на нет. В аспекте организации политического сообщества упор был сделан на поддержание тонуса внутривнутриполитических процессов путем институционального регулирования и «эксплуатации» сохраняющихся и культивируемых социальных размежеваний, а также на продвижение «интегральной» идеологии национализма (с широким диапазоном версий — от радикального этнического до гражданского). Одновременно многочисленным незападным сообществам, получившим возможность политического самоопределения, были предложены обязывающие институциональные ограничения: всё их этно- и социокультурное многообразие «упаковывалось» в типовую институциональную оболочку демократического национально-территориального государства (Лейпхарт, 1997; Lijphart, 1977; O'Flynn, 2010), полноценного члена сообщества объединенных наций. Именно следование унифицированным нормам и правилам представительной демократии оказывалось для новых государств условием обретения статуса полноправного современного государства, легитимированного признанием со стороны мировых держав. Формирование номинально современных институтов представительства позволило решить амбивалентную задачу взаимной легитимации: власть наделяет народ (население) правами, превращая толпу в собрание политически правомочных граждан, вместе с тем и сама становится демократической, облеченной (легитимированной) народным доверием (Migdal, 2001). Но результат такого раз-

решения дилеммы власти лишь затуманивает существо проблемы легитимности политического господства власти над легитимирующим ее обществом. Особенно рельефно этот парадокс проявляет себя в том, что население (народ), получая право участвовать в создании и функционировании институтов политического представительства, одновременно и тем самым принуждается к «добровольному» отчуждению предоставленных ему прав, их делегированию функционирующим или потенциальным представителям политической элиты.

Модель современного демократического государства-нации имеет и еще одну важную, в контексте избранной темы исследования, особенность: конфликтное, но вместе с тем вполне органичное совмещение в политической системе таких государств паттернов консолидации и разделения. Фундаментальная неоднородность соответствующих государствообразующих сообществ побуждала субъектов политики к совершенствованию *практик политизации* присущих этим сообществам социальных размежеваний¹. Именно на основе таких практик вырабатывался инструментарий социально-политической инженерии (Reilly, 2001), позволивший современному государству, посредством институционализации разделяющих общество социальных конфликтов, находить консолидированные решения общенациональных проблем, проводить обязывающую внутреннюю и внешнюю национальную политику. Именно постоянно совершенствовавшийся инструментарий управления конфликтностью обеспечил становление *проактивной политической организации современного общества*, с помощью которой купировались множественные дефекты интеграции территориального сообщества. А лежавший в ее основе институт политического представительства позволял власти конвертировать эти латентные социальные расколы в ресурс консолидации национального государства и общества модерна.

Сложное общество, структурирующие его размежевания, эффекты политизации и императив политической консолидации

Представление о *сложном обществе*, т.е. обществе, в котором отношения между индивидами регулируются не традицией реципроктных отношений, не требующих рефлексии по поводу эффектов социального отчуждения, а почти исключительно рыночной целесообразностью, наиболее основательно введено в научный дискурс Карлом Поланьи в знаменитой «Великой Трансформации...». К. Поланьи настаивал на том, что такое представление действительно стимулирует потребность «внимательно взглянуть на собственное коллективное бытие», на «целый мир, о самом существо-

¹ Если в основе *социальных размежеваний* в разделенных обществах лежат факторы *самоидентификации*, вводящие разграничение тех или иных воображаемых сообществ по принципу «свои – чужие», то в своем политическом бытии разделенные общества отображаются в той мере, в которой основания их разделений (кливажи, расколы) подвергаются *политизации*. Иными словами, в той мере, в которой потенциал социальной конфликтности используется политическими игроками для продвижения собственной повестки и управления политическим противостоянием. Далеко не все размежевания значимы политически, т.е. представляют собою высоколиквидный ресурс в политической игре, достойный усилий по его капитализации для нужд конкурентной политической борьбы. Конкурентные преимущества получают лишь те из такого рода проектов, которые наиболее успешно используют мобилизационные ресурсы соответствующего социального раскола. Группы интересов, стоящие за такими проектами, заинтересованы в воспроизводстве социальных расколов, но не в их преодолении. При этом сегодня в конкурентной борьбе политических проектов значение имеет не столько эффективное использование институтов (конкурентная борьба в современной политике легко преодолевает устоявшиеся, конвенциональные институциональные ограничения), сколько доступ к инструментарию управления сетевыми процессами: общественным дискурсом, информационными потоками, цифровыми форматами и т.п.

вании которого... даже не догадывались», на мир законов, управляющих обществом, в том числе его экономикой и политикой (Поланьи, 2002: 99, 100, 132). В сущности, современная политическая наука и стала своего рода ответом на вызовы *сложного общества* модерна, поставив своей задачей научное познание закономерностей политической жизни современного рыночного (капиталистического) общества. Структурная сложность и неоднородность этого общества обусловлена его генезисом. Оно сформировалось путем причудливого и всякий раз уникального наложения двух разнонаправленных процессов: не доведенной до конца редукции исторических, культурных, языковых, этнических, религиозных и т.д. основ докапиталистических сообществ, обитавших на данной территории, и продвижения в эту активно преобразующуюся социальную среду универсалистских принципов и ценностных ориентаций капиталистического рынка. Дальнейшее умножение этой сложности оказалось сопряжено с двумя противоборствующими тенденциями современного развития. С одной стороны, повсеместно, но особенно явно в странах Запада идет активный пересмотр традиционного исторического нарратива, систем ценностей, представлений о социальной норме, о семье, о государстве и т.д. По сути, следовало бы вести речь о «либеральной» ценностной революции, унифицирующей и универсалистской, ориентированной на окончательную редукцию всего традиционного в сфере человеческого общения. С другой стороны, традиционные социальные нормы и правила остаются важнейшим цементирующим сообщество субстратом, более того, с опорой на них идет дальнейшая сегментация общества, вплоть до малых групп и отдельных его членов, претендующих на особое, уникальное мировосприятие.

Иными словами, сложному (постоянно усложняющемуся) обществу соответствует беспрецедентное многообразие идентификационных паттернов и мотивационных стереотипов, адресуемых социализированному индивиду, а также — социальных ролей («социальных личин») индивида, мотивированных актуальным контекстом его взаимодействия. Целостная самоидентификация индивида (самость, *self*) сегодня вмещает многочисленные относительно самостоятельные составляющие, маркирующие «единство в разнообразии» его социокультурных ориентаций (сложносоставных, гибридных, транскультурных). Стремительно и повсеместно ослабевает его связь со «своим, раз и навсегда данным» сообществом, размывается представление о вмененной ему социальной роли в этом сообществе, о долге и социальных обязательствах перед ним.

В рамках классической национально-территориальной модели государство (как институциональный и организационно-взаимодействующий ансамбль, «сборка», с обязывающим членством (Джессоп, 2019: 53)) претендует на роль универсальной формы политической консолидации и организации разделенных сообществ, фундаментально, порою онтологически разнородных. Потребность в такой специфической политической организации появляется, когда для нормального воспроизводства общества социального дисциплинирования и контроля становится недостаточно. Поэтому развитая политическая организация возникает лишь с появлением *сложного общества*, в котором отсутствуют единство и целостность нормативно-ценностного регулирования и идентичности. Растёт необходимость в выработке и институционализации практик и структур управления, ориентированных на реализацию компромиссных решений. В сложном обществе именно государство обеспечивает суверенитет и субъектность государствообразующего политического сообщества в вопросах полагания и достижения целей собственного развития.

Экспансия сетей (*networks*) глобального управления проблематизирует способность государства сохранять суверенитет при разработке и продвижении стратегий развития в интересах государствообразующего сообщества, оказывается своего рода стресс-тестом для государственной формы политического.

В литературе сформировалось и интенсивно развивается целое дисциплинарное направление, посвященное изучению сложных (сложносоставных) обществ, возможностей их политико-институциональной организации и регулирования конфликтности, прежде всего этнополитического характера. Такие социальные формы принято обозначать как «разделенные общества» (*divided societies*) (Lijphart, 1968; 2007), в которых на основе институтов консоциативной демократии, ориентированных «на признание кливажей и их превращения в конструктивные элементы стабильных демократий» (Lijphart 1977: 42; см. также: Bogaards, 2019), формируются механизмы управления разделением (*power sharing*) (Lerner, 2011; Guelke, 2012; Hartzell, Hoddie, 2015; Вавилина, 2015). Несмотря на определенные успехи при использовании этих моделей для упрочения политической стабильности и интегральной целостности разделенных обществ, проблема институциональной устойчивости соответствующих политик сохраняет актуальность для политических исследователей (Lustick, 1979; Oberschall, 2007; Selway, Templeman, 2012; Панов, 2012). Наиболее интригующий вопрос при анализе таких концептов и опыта их практического применения: какова природа субъектности такого социально-политического инжиниринга, кто предлагает и кто организует и внедряет эти прогрессивные практики политического управления? Изначальный расчет теоретиков на то, что такие практики позволят деполитизировать социальные расколы, прежде всего этнокультурной природы, в целом, в стратегическом плане, не оправдался; напротив, политизация таких расколов стала одним из важнейших инструментов национального и государственного строительства в новых государствах, возникших на руинах «коммунистического блока». Субъекты политического процесса в соответствующих сообществах, стремящиеся к практическому воплощению продуктов своего вполне эгоистического политического воображения, широко используют формализованные концептуальные наработки в области управления сложным обществом, от классического «этнонационализма» до прогрессивных идей *power sharing*.

В том числе и по этой причине проблемы институционального обустройства разделенных обществ, равно как и осмысление природы и политического потенциала самого феномена «разделенности», а также опыта управления социальной разнородностью политического целого, — остаются и сегодня в фокусе внимания политической науки (Reilly, 2001; O'Flynn, 2007; 2010; Norris, 2008; Наумкин, 2015; Кудряшова, 2016; 2020). Остается актуальной и проблематика типологизации конфликтных противостояний и способов их эффективного политического регулирования, обеспечивающего общественную консолидацию (Семененко, Лапкин, Пантин, 2016).

Вместе с тем, эволюция сложного общества продолжается — от разделенных обществ позднего модерна — к сообществам атомизированных потребителей постмодерна. При этом индивиды, как элементарные частицы социума, осваивают практики суверенного выбора сферы своих социальных интеракций (в частности, в псевдопространствах социальных сетей) и того референтного сообщества, с которым идентифицируют себя в данный момент и в рамках конкретной транзакции. В процессе такой эволюции сложного общества постепенной, но последовательной

редукции подвергаются и его прежде обязательные атрибутивные признаки национальности и территориальности. Масштаб и структурная сложность разделения современных макросообществ стремительно возрастают, а значимыми субъектами политического процесса все чаще оказываются политически мотивированные микросообщества, вплоть до тех самых «элементарных частиц».

Основной ущерб эти процессы наносят государству, носителю атрибутов национальности и территориальности в современном мире, причем, как лишь одной из форм институционально обустроенного социального господства, наряду с множеством других, как правило, «скрывающихся в тени» и зачастую не вполне институционализированных. Именно эта форма сегодня выглядит утрачивающей привлекательность в сравнении с иными, экстра- и экстерриториальными *формами социального господства*, основанными на сетевых принципах общения, в рамках которых политические субъекты нового типа² продвигают повсеместно форматы обезличенных и виртуальных транзакций информационно-финансового характера. Осознанию и когнитивному освоению этой неоднозначной по своим глобальным последствиям трансформации мешает, прежде всего, пребывание исследовательского сообщества «...в идеологическом плену у идеи государства, которая в квазигегелевской терминологии представляет государство в качестве бескорыстного слуги общих интересов» (Джессоп, 2019: 56–57). Идея государства как «самостоятельной, единой сущности» и «бескорыстного слуги» представляется Б. Джессопу (там же) фетишем, мистифицирующим общественное сознание. Но, полагаем, критика фетиша политического господства должна быть распространена и на иные, негосударственные его воплощения, в том числе и «неклассической», сетевой природы. Безусловно, реифицирующий государство дискурс контрпродуктивен. Необходимо своего рода «возвращение» к восприятию государства как лишённого монолитного внутреннего единства, «фрагментарного и хрупкого», *специфического формата общения* многообразных политических субъектов. Этот формат (порядок) определяется взаимными связывающими обязательствами, которые принимают на себя политические игроки, учреждающие или переучреждающие государство, и обретает «для непосвященных» облик иерархически организованной системы институтов, организаций и практик, подкрепляясь специфической в каждом конкретном случае, а вместе с тем, имеющей единое универсальное начало «идеей государства», легитимирующей этот порядок. Именно по такой системе господства и наносят удар ее конкуренты, предлагающие иной — сетевой, деперсонифицированный формат социальной интеграции. Политическая проекция такого формата пока что почти неуловима для исследователя, использующего традиционные парадигмальные подходы³.

² К таковым следует отнести обретающее политические амбиции руководство глобальных финансовых, медиа- и интернет-корпораций, контролирующее торговые и социальные сети, цифровые платформы, коммуникаторы, платежные системы и пр., а также руководство ведущих международных политических, экономических и военных организаций и представителей «курирующего» эти организации сегмента политической элиты США как мирового лидера.

³ Неклассический характер социальных разломов, формирующихся в условиях разложения прежде доминировавших и управляющих обществом социальных иерархий, создающий для исследователя концептуальные затруднения при попытке их анализа с применением старых, классических методов (включая и методологию изучения социальных кливажей и их партийно-политических проекций) стимулирует усилия по их типологизации и альтернативной концептуализации (см., например, Бардин, 2021), где предметом исследования оказываются *цифровые разрывы*, новый вид социальных размежеваний).

Тем не менее, если взглянуть на государство (как в свое время прорывную политическую идею) и на лежащие в основании государств территориальные сообщества в эволюционной перспективе, то следует признать, что и то, и другие — есть лишь частные случаи в континууме форм социального господства и социальной интеграции. Более универсальные, пространственно делокализованные и неотчетливо идентифицируемые (в значительной мере — латентные) экстратерриториальные и сетевые сообщества все решительнее проецируют в будущее потенциал собственного роста, свой экспансионистский императив. В этой перспективе привычные нам национальные и территориальные сообщества оказываются своего рода лишь вырожденными случаями⁴, пространственно детерминированными лишь поверхностью геоида. Между тем будущее сулит нам множественность и многомерность социальных и политических пространств человеческого бытия. Изучение особенностей социального и политического общения в этих грядущих, а по сути уже обнаруживающих себя пространствах, включая размежевания и практики их политизации как неотъемлемые атрибуты эволюционно усложняющейся социально-политической жизни, становится сегодня актуальнейшей задачей политической науки, важнейшим направлением разработки ее теории и методологии.

Политическая форма современного территориального сообщества в пространстве глобальных трансформаций

На данном зрелом этапе изложения представляется необходимым немного скорректировать оптику анализа и взглянуть на процессы, происходящие в глобальном политическом пространстве с учетом потенциала адаптационных возможностей государства к переменам. Б. Джессоп, анализируя тенденции и контртенденции, характеризующие реакции территориальных государств на вызовы альтернативных форм социального господства, выделяет три трека: 1) денационализация государственности, 2) разгосударствление (*destatization*) политической системы, политического процесса и политики (в значении *polity*, *politics* и *policy*) и 3) интернационализация режимов политики (Джессоп, 2019: 371–379). Им противодействуют три группы контртенденций, которые как раз и воплощают потенциальные возможности адаптации государства к разъедающим его процессам (там же: 280–282). В частности, что представляется наиболее важным для настоящего исследования, процессы разгосударствления провоцируются освобождением рыночного общества «от ограничений национальных вместилищ власти» (там же: 369) и распространением на этой основе надгосударственных и экстратерриториальных форматов социального общения и глобализации, все более решительного и бескомпромиссного отрыва капитализма от «национально-государственной почвы». Именно для рыночного общества такой отрыв на данном этапе становится закономерным и даже необходимым для его дальнейшего воспроизводства, порождая, впрочем, дополнительные конфликтные размежевания и расколы, которые могут стать и уже становятся (пример — США) объектом политизации и политического противостояния. Основная опасность этих новых размежеваний — в том, что ввиду стремительности социальных перемен, вызываемых процессами цифровизации,

⁴ «Вырожденными называют математические объекты, обладающие принципиально более простой структурой и смыслом по сравнению с остальными объектами в своем классе, т. е. такие, которые, даже будучи взятыми вместе, не дают полного представления о всем классе» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>, статья «Вырождение (математика)»).

виртуализации и внедрения систем искусственного интеллекта (AI), формирующиеся в ходе их политизации политические противостояния не успевают институционализироваться и поэтому объективно несут в себе мощный деструктивный потенциал, грозящий дезинтеграцией обществу и эрозией государственной власти. Характерно при этом, что глобализация такого общества является еще одним важнейшим этапом на пути повсеместного и по существу глобального перехода от правительства к управлению, т.е. от социально ответственной политической власти к технократическому и безответственному в отношении общества администрированию.

Тем не менее, памятуя о том, что в известном смысле государство есть продукт политического воображения учреждающих его политических субъектов, следует признать, что в последние годы функционал территориального государства существенно расширяется, равно как и наши представления о его возможностях и когнитивном потенциале самого концепта *территориальности* как особого формата политического контроля. Непредвиденным ответом современного государства на вызовы глобализма и его экстратерриториальной экспансии стало стремление распространить практики территориального контроля на иные, негеографические пространства человеческого общения. Свободное пространство земной поверхности было лишь первым из тех, что государство смогло сегментировать, вычленив из него особые, подконтрольные только ему (тем самым становящиеся несвободными, политически освоенными) территории. Теперь же государство стремится распространить свой контроль и на иные сферы социальных интеракций, представлявшие до того свободными, лишенными жесткого контроля и институциональных ограничений. В их числе — пространства виртуального и сетевого общения (к тому же, зачастую, лежащие за пределами его географических границ), которые государство также стремится освоить посредством получения доступа к ним. А это неизбежно предполагает их последующее территориальное членение и политическое оформление размежеваний, сложившихся в сообществах, возникших на основе соответствующих форматов общения и в соответствующих «нетрадиционных» интерактивных пространствах (т.е., буквально, пространствах взаимодействия, *interaction space*), в Интернете, социальных сетях, блогах и т.д. Этот процесс начался с оформления национальных доменов Интернета, а в настоящее время подтверждается дискуссиями и действиями относительно цифрового суверенитета как отдельных стран, так и надгосударственных объединения, например ЕС.

В этих случаях также реализуется двуединая логика современного государства: усиление своего территориального контроля в целях более эффективной консолидации территориально локализованных сообществ посредством политизации социальных размежеваний и их последующего властно-институционального регулирования. В целом же начинающаяся реализация этих устремлений показывает, что спецификой государства как своего рода универсальной «политической оболочки» современных макросообществ, претендующих на политическую субъектность, оказывается способность продвижения режимов эффективного и институционализованного территориального контроля во вновь формирующиеся социальные пространства. А также то, что потенциал территориального государства в контексте сегодняшних глобальных вызовов далеко не исчерпан.

Особо подчеркнем, что в период нынешнего кризиса государство, утрачивая интерес к сохранению и культивированию своей «национальной специфики», сохраняет

тем не менее ее территориально-институциональный каркас, выхолащивая субъектную активность собственно политической нации. Но не менее важно внимание и к оборотной стороне этого процесса: государство (в своих институциональных, процессуальных, организационных и проектно-конструктивистских проявлениях) предоставляет разного рода политическим субъектам, аффилированным с ним, эффективные возможности доступа к режиму контроля и управления популяцией, локализованной и иммобилизованной в рамках данной территории. Поэтому экстратерриториальные элиты (такие как нетократия), оттесняющие местные «национальные» от «рычагов управления» территориальным сообществом, продолжают использовать государство как по-прежнему удобный и эффективный инструмент контроля над таким сообществом, а систему таких государств — как средство внешнего (глобального) сетевого управления государственным и национальным строительством в таких сообществах.

Выводы

В заключение представляется необходимым акцентировать два основных вывода настоящего исследования. Во-первых, территориальное государство, как по-прежнему доминирующая форма политической организации современных сообществ, на всем протяжении своего существования претерпевала и продолжает претерпевать интенсивные и весьма глубокие эволюционные преобразования, позволяющие ему и сегодня сохранять способность эффективной адаптации к новым вызовам и новым конкурирующим с ним проектам, предполагающим реорганизацию миропорядка на новых основаниях. И, во-вторых, нарастает потребность в расширении горизонтов политического анализа разделенных обществ (как совокупности социальных размежеваний и их политических проекций) и возможностей их консолидации. В частности, преодоление географической пространственной детерминации в вопросах концептуального рассмотрения форм социального господства и политической власти раскрывает многомерную перспективу анализа социальных размежеваний и управляющих ими политических процессов в новых, непривычных для нас пространственно-территориальных сферах виртуального и цифрового мира. Продвижение в этом направлении потребует от политической науки дополнительных напряженных усилий как по диверсификации своих традиционных теоретико-методологических подходов и ракурсов исследования, так и в плане более активного продвижения и практического использования подходов, сопрягающих возможности идентитарного, политико-культурного, цивилизационного и структурно-эволюционного методов.

Библиографический список

- Бардин, А. Л. (2021). Цифровые разрывы в современном мегаполисе: политическое измерение. *Политические исследования*, 6, 73–88. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.06>.
- Вавилина, Е. А. (2015). Модель Power-Sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов. *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*, 29(1), 94–110.
- Джессоп, Б. (2019). *Государство. Прошлое, настоящее и будущее*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Ильин, М. В. (2008). Возможна ли универсальная типология государств? *Политическая наука*, 4, 8–41.

- Ильин, М. В. (2011). Пределы государственной состоятельности стран мира. *Политическая наука*, 2, 60–74.
- Кудряшова, И. В. (2016). Как обустроить разделенные общества. *Политическая наука*, 1, 15–33.
- Кудряшова, И. В. (2020). Управление этнокультурной разнородностью: концепции и политические решения. В И. В. Кудряшова, О. Г. Харитоновна (ред.) *Метаморфозы разделенных обществ* (с. 15–41). Москва: МГИМО-Университет.
- Лейпхарт, А. (1997). *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. Москва: Аспект Пресс.
- Мелешкина, Е. Ю. (2010). Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика. *Политическая наука*, 1, 8–28.
- Наумкин, В. В. (2015). Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 7(1), 66–96.
- Панов, П. В. (2012). Институциональная устойчивость фрагментированных политий. *Политическая наука*, 3, 31–49.
- Поланьи, К. (2002). *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2016). Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории». *Полис. Политические исследования*, 6, 69–94. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>
- Bogaards, M. (2019). Consociationalism and Centripetalism: Friends or Foes? *Swiss Political Science Review*, 25(4), 519–537.
- Guelke, A. (2012). *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge MA: Polity.
- Hartzell, C., Hoddie, M. (2015). The Art of the Possible: Power Sharing and Post-Civil War Democracy. *World Politics*, 67(1), 37–71.
- Jessop, B. (2016). *The State: Past, Present, Future*. Cambridge: Polity.
- Lerner, H. (2011). *Making Constitutions in Deeply Divided Society*. New York: Cambridge University Press.
- Lijphart, A. (1968). *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkley and Los Angeles: University of California Press.
- Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press.
- Lijphart, A. (2007). *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. New York: Routledge.
- Lustick, I. (1979). Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism versus Control. *World Politics*, 31(3), 325–344.
- Migdal, J. (2001). *State-in Society: Studying how States and Societies Transform and Constitute One Another*. New York: Cambridge University Press.
- Norris, P. (2008). *Driving Democracy: Do Power-Sharing Institutions Work?* New York: Cambridge University Press.
- Oberschall, A. (2007). *Conflict and Peace Building in Divided Societies: Responses to Ethnic Violence*. London: Routledge.
- O’Flynn, I. (2007). Divided Societies and Deliberative Democracy. *British Journal of Political Science*, 37(4), 731–751. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123407000397>.
- O’Flynn, I. (2010). Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies. *Representation*, 46(3), 281–293. DOI: <https://doi.org/10.1080/00344893.2010.499696>.

Reilly, B. (2001). *Democracy in Divided Societies: Electoral Engineering for Conflict Management*. Cambridge: Cambridge University Press.

Selway, J., Templeman, Kh. (2012). The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies. *Comparative Political Studies*, 45(12), 1542–1571.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021

Статья принята к публикации 10.06.2021

Для цитирования: Лапкин В. В. Размежевания в территориальных сообществах, консолидация национальных государств и новые вызовы экстратерриториальности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 2. С. 6–20.

CLEAVAGES IN TERRITORIAL COMMUNITIES, INTERNAL CONSOLIDATION OF NATIONAL STATES, AND NEW CHALLENGES OF EXTRATERRITORIALITY

V. V. Lapkin

Vladimir V. Lapkin. Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsojuznaia Str., 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: vvih@politstudies.ru. ORCID 0000-0002-0775-2630

Abstract. The article analyzes the formation and subsequent transformations of territorial-national communities with an emphasis on internal political processes associated with the politicization of existing and emerging cleavages and disagreements, with the management of political confrontations. Particular attention is paid to the state-political aspect of the functioning of such communities, ensuring the stability and effectiveness of the territorial control regime, the practices of internal consolidation that overcome the initial multiethnic and multicultural heterogeneity of such communities. Attention is also paid to the potential of their adaptability in the context of modern turbulent political dynamics. The functionally ambivalent role of modern institutions of political representation is analyzed, which is responsible for ensuring the stability and integral integrity of such communities, as well as for legitimizing the political nation and, at the same time, for legitimizing the political power, through the mandate of popular trust. The decisive role of the formation of ideas about a complex society, which underlie the entire modern array of social sciences, is noted. Becoming of a complex society has become a decisive impetus for the emergence of a special political organization (the modern state), which supplements and then replaces the institutions of social control. The article discusses the possibilities and limitations of political and institutional regulation in complex societies. And also — new challenges caused by the tendencies of atomization of the modern social environment, destatization and denationalization of statehood, the expansion of extraterritorial communities, the conflict of hierarchical and network paradigms of the structural organization of communication. Based on the analysis of a large set of trends in modern political development, the author argues for the conclusion that the potential of the modern state's adaptive capabilities to change is far from being exhausted. Moreover, his assessment gives reason to say that the most successful state projects today are able to extend the practice of territorial control to other, non-geographic spaces of human communication.

Keywords: social divisions, divided societies, power, political confrontation, complex society, national-territorial state, democracy, nation-state, community, extraterritoriality.

DOI 10.31429/26190567-22-2-6-20

References

Bardin, A.L. (2021). Tsifrovye razryvy v sovremennom megapolise: politicheskoe izmereniye [Digital Divide in the Modern Megapolis: Political Aspects]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 73–88. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.06>.

- Bogaards, M. (2019). Consociationalism and Centripetalism: Friends or Foes? *Swiss Political Science Review*, 25(4), 519–537.
- Guelke, A. (2012). *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge MA: Polity.
- Hartzell, C., Hoddie, M. (2015). The Art of the Possible: Power Sharing and Post-Civil War Democracy. *World Politics*, 67(1), 37–71.
- Jessop B. (2016). *Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [The State: Past, Present, Future]. Moskva: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKHiGS.
- Ilyin, M. V. (2008). Vozmozhna li universal'naya tipologiya gosudarstv? [Is It Possible to Create a Universal Typology of States?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 4, 8–41.
- Ilyin, M. V. (2011). Predely gosudarstvennoi sostoyatel'nosti stran mira [Varying Ranges of Individual Countries Stateness]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 60–74.
- Kudryashova, I.V. (2016). Kak obustroit' razdelennye obshchestva [How to Accomplish Stability in Divided Societies]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 15–33.
- Kudryashova, I. V. (2020). Upravlenie etnokulturnoy raznorodnost'yu: kontseptsii i politicheskie resheniya [Management of Ethnic and Cultural Heterogeneity: Conceptions and Political Decisions]. In I. V. Kudryashova, O. G. Kharitonova (Eds) *Metamorphozy razdelennykh obshchestv* [Metamorphoses of Divided Societies] (pp. 15–41), Moskwa: MGIMO-Universitet.
- Lerner, H. (2011). *Making Constitutions in Deeply Divided Society*. New York: Cambridge University Press.
- Lijphart, A. (1968). *The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands*. Berkley and Los Angeles: University of California Press.
- Lijphart, A. (1977). *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press.
- Lijphart, A. (1997). *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh* [Democracy in Plural Societies]. Moscow: Aspekt Press.
- Lijphart, A. (2007). *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. New York: Routledge.
- Lustick, I. (1979). Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism versus Control. *World Politics*, 31(3), 325–344.
- Meleshkina, E. Yu. (2010). Formirovaniye gosudarstv i natsiy v usloviyakh etnokulturnoi raznorodnosti: Teoreticheskie podkhody i istoricheskaya praktika [Nation and State Building Within Ethno-Cultural Assemblages: Theoretical Approaches and Historical Practice]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 1, 8–28.
- Migdal, J. (2001). *State-in Society: Studying how States and Societies Transform and Constitute One Another*. New York: Cambridge University Press.
- Naumkin, V. V. (2015). Gluboko razdelennye obshchestva Blizhnego i Srednego Vostoka: konflikt-nost', nasilie, vneshnee vmeshatel'stvo [Deeply Divided Societies in The Middle East: Conflict, Violence, And Foreign Intervention]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunaronye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics], 7(1), 66–96.
- Norris, P. (2008). *Driving Democracy: Do Power-Sharing Institutions Work?* New York: Cambridge University Press.
- Oberschall, A. (2007). *Conflict and Peace Building in Divided Societies: Responses to Ethnic Violence*. London: Routledge.
- O'Flynn, I. (2007). Divided Societies and Deliberative Democracy. *British Journal of Political Science*, 37(4), 731–751. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123407000397>.
- O'Flynn, I. (2010). Democratic Theory and Practice in Deeply Divided Societies. *Representation*, 46(3), 281–293. DOI: <https://doi.org/10.1080/00344893.2010.499696>.
- Panov, P. V. (2012). InstitutSIONalnaya ustoichivost' fragmentirovannykh polititii [Institutional Sustainability of Fragmented Polities]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 31–49.

- Polanyi, K. (2002). *Velikaya transformaciya: politicheskiye i ekonomicheskiye istoki nashego vremeni* [The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time]. SPb.: Aleteya.
- Reilly, B. (2001). *Democracy in Divided Societies: Electoral Engineering for Conflict Management*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Selway, J., Templeman, Kh. (2012). The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies. *Comparative Political Studies*, 45(12), 1542–1571.
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2016). Tipologiya etnopoliticheskoy konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy “bolshoy teorii” [Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 69–94. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>.
- Vavilina, E. A. (2015). Model' Power-Sharing kak instrument uregulirovaniya etnopoliticheskikh konfliktov [Power-Sharing as an Instrument of Ethno-Political Conflicts Settlement]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya “Politologiya”* [Bulletin of Perm University. Series “Political Science”], 29(1), 94–110.

Received 12.05.2021

Accepted 10.06.2021

For citation: Lapkin V. V. Cleavages in Territorial Communities, Internal Consolidation of National States, and New Challenges of Extraterritoriality.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 2. Pp. 6-20.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).